

АФРИКАНСКАЯ АГИОГРАФИЯ СЕРЕДИНЫ III ВЕКА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

А.В. КАРГАЛЬЦЕВ

В статье обсуждается устойчивый консенсус, имеющий место в научной литературе в отношении особого почитания мучеников в римской Северной Африке (области бывших владений Карфагенской державы), связанного с иным (не эллинистическим) культурным влиянием. Указывается на причину появления в Северной Африке большого количества агиографических памятников, особенно в период гонений Деция и Валериана. Анализируются агиографические тексты того времени, в числе которых «Житие Киприана» Понтия, с целью выявления в них педагогической составляющей; обсуждаются их общие черты и мотивы составления. Рассматривается сюжет, связанный с мученичеством епископа Киприана Карфагенского, ставшего идеалом мученика для единоверцев. Делается вывод, что пример мученичества Киприана стал не только образцом для подражания и хрестоматийным примером для созданных в тот период других агиографических памятников, но и педагогическим наставлением для будущих мучеников.

Раннехристианская агиография представляет собой интереснейший корпус сочинений, в основе которого — рассказ об исповедании веры христианским героем и его смерти. Принято выделять несколько специфических особенностей такого жанра литературы. «Мученичества», несомненно, наследуют богатую традицию античных сюжетов благородной смерти во имя убеждений или гражданских идеалов¹, но основной мотив наставления в

¹ О благородной смерти в античной литературе см.: Droge (1992); van Henten, *Avetarie* (2002); Пантлеев (2016). С. 116-125.

них — подражание верующего Христу². Как справедливо отмечает А.Д. Пантелеев, подобно тому, как смерть Христа была реализацией божественного замысла, страдания христианских героев также не были случайными и являлись частью того же плана³. Само мученичество при этом можно рассматривать как событие, обладающее очевидным педагогическим значением: пример мученика, подобно примеру Христа, предлагал определенную (спасительную) модель поведения. Разумеется, и проблематику агиографических текстов можно обозначить как педагогическую: в том смысле, что эти произведения призваны были убедить верующих пойти по пути страданий Христа, воспроизводили момент смерти «педагога» и давали ряд практических рекомендаций.

Проблема использования агиографических памятников как своего рода наставлений для верующих достаточно хорошо изучена в научной литературе⁴. Как правило, принято говорить о нескольких аспектах мученических сюжетов. Во-первых, подобные памятники, равно как и само поведение христианских героев, идущих на казнь ради своей веры, были наглядным примером подлинности христианского учения в представлении языческой аудитории. Противоположным образом сами верующие вдохновлялись страхом римлян перед их духовной борьбой. Заявление Тертуллиана, что «кровь христиан есть семя» призвано подчеркнуть бесполезность борьбы с Церковью, которая лишь умножается от гонений (*Tert. Apol.* 50.13). Слова апологета оказались исторически точны, хотя нельзя не согласиться с мнением исследователей, что позорная казнь, которую наблюдали язычники, не вдохновляла их принимать новую веру⁵. Тем не менее, римский наместник, осудивший в конце III в. вексилярия Фабия, с горечью воскликнет, что, похоже, дал христианам нового мученика (*Pass. Fab.* 9). Можно наблюдать и постепенный отказ от публичного наказания христиан. Уверенность гладиатора, мечу которого Перпетуя подставляет шею перед гибелью (*Pass. Perp.* 21.9), уступает место

² Kelley (2006). P. 743-746; Пантелеев (2017). С. 127.

³ Пантелеев (2017). С. 127

⁴ Среди большого количества работ по данной теме отметим: *de Ste Croix* (1963). P. 6-38; *Potter* (1993). P. 53-88; *Kelley* (2006). P. 723-747; *Крюкова* (2013). С. 457-468; *Пантелеев* (2017). С. 125-140.

⁵ *Potter* (1993). P. 55; *Boyarin* (1999). P. 95; *Пантелеев* (2015). С. 36.

трясущимся рукам палача, которому предстоит казнить епископа Киприана Карфагенского (Vit. Сурр. 18.4). Публичное зрелище на арене амфитеатра Карфагена в начале III в. (Pass. Перр. 18–21), сменяется спустя полвека угрюмой сценой расправы на берегу реки, дабы поток, унося тела мучеников, поскорее скрыл следы казни (Pass. Marian. 12.1–3). Во-вторых, агиографические сюжеты выступали инструкциями для самих христиан: как приготовить себя к мученичеству, как вести себя во время ареста, чем подобает заниматься в тюрьме, что следует говорить во время суда, и как поступать в момент казни.

Указанные сюжеты являются основными в раннехристианской агиографии. Однако интерес представляет анализ отдельных текстов с точки зрения педагогической проблематики. Из всего корпуса раннехристианской агиографии мы остановимся в основном на памятниках римской Северной Африки середины III в.: «Житии и мученичестве Киприана Карфагенского», «Мученичестве Мариана и Иакова» и «Мученичестве Монтана и Луция»⁶. Все эти памятники сообщают о преследованиях христиан при Валериане. Валерианово гонение (257–258), безусловно, выделяется на фоне предшествующих антихристианских компаний, и многие детали его до сих пор не ясны исследователям⁷. Это было первое преследование, которое уверенно можно назвать антихристианским. Киприан Карфагенский сообщает, что «епископов, пресвитеров и диаконов [следовало] немедленно забирать под стражу; у сенаторов, почетных мужей (*egregii viri*) и всадников, сверх лишения достоинств отбирать еще имущества и, если они и после сего остаются непоколебимы в христианстве, отсекают им головы; благородных женщин по лишении имущества отправляют в ссылку; у придворных же, которые или прежде исповедали, или теперь исповедают Христа, описывать имущество и по исключению ссылать их в оковах в императорские владения» (Сурр. Ер. 80). Точность, с которой карфагенский епископ описывает категории гонимых, дает основание полагать, что в основе данного сообщения мог ле-

⁶ Схожесть отдельных сюжетов повествования породила дискуссию в историографии о возможном едином авторе или редакторе всех трех сочинений, которая, на наш взгляд, не имеет достаточных оснований: Каргальцев (2013) С. 223; Каргальцев (2014). С. 276–278.

⁷ Подробнее см.: Каргальцев (2012). С. 124–130.

жать подлинный текст эдикта 258 г. Если в предыдущие годы верующие становились скорее жертвами тех или иных религиозных мероприятий, напрямую не связанных с христианами, то здесь мы впервые видим указание на намерение властей нанести Церкви серьезный урон. Удар в данном случае наносился не по массе верующих, а по клирикам, и можно предположить, что именно указанные Киприаном категории клира и были ориентиром для римских судей.

Исторические обстоятельства создания этих сочинений определяют их тон. Если более поздние тексты постконстантиновской эпохи, наполненные богатым символизмом, фантастическими картинками страшных истязаний и чудес, предлагают читателю скорее недостижимый иконографический идеал, то памятники эпохи гонений, напротив, являются скорее практическими наставлениями для верующих. Несмотря на популярность героев веры у рядовых христиан, решиться на страдание и смерть для многих было очень непростым делом. Авторы мученичеств, безусловно, видят своей задачей исправление взглядов своих собратьев по вере. Многочисленные примеры обращений христианских авторов к теме поведения во время гонений указывают, что ситуация была далека от идеальной. В трактате «О бегстве во время гонений» Тертуллиан не только наставляет верующих следовать по «пути славы», но и увещевает их тем, что гонения исходят от Бога, успокаивая сомневающихся (*Tert. De fug.* 1). Сам трактат начинается с ответа на вопрос некоего Фабия, действительно ли христианам необходимо принимать мученичество. Киприан Карфагенский сетует, что многие до сих пор испытывают страх перед мученичеством, причиной чему является недостаток их веры (*Cypr. De laud. mart.* 11–12).

Следует отметить еще одну особенность характерную для Северной Африки, где мученики пользовались особым почитанием. Тертуллиан с присущим ему ригоризмом призывает верующих воздерживаться от зрелищ, военной службы, посещения бань и работы в государственных органах. Однако, как представляется, дело здесь не только в ригоризме карфагенского пресвитера. В основе его теологии, которая оказала несомненное влияние на все латинское богословие лежит представление о материальности человеческой души, связанной с телом (*Tert. De bapt.* 9). В такой концепции любые неосторожные поступки христианина оставляют отпечаток на его душе, затрудняя спасение. Верующий после кре-

шения вынужден был вести крайне ограниченную жизнь, чтобы сохранить надежду на спасение, в то время как мученичество разрешало эти сомнения и открывало верующему прямую дорогу в рай. «Крещение кровью» как подлинное и непреходящее крещение, которое полностью смывает все грехи, было не просто простым и коротким способом попасть в рай, но и отражало теологические взгляды христиан на Западе (*Tert. Grad. ap. 19.2; Cyr. Ep. 57.3–4; Pass. Marian. 11.10*). Более того, поскольку именно тело человека было средоточием греха, поскольку только «душа по природе христианка» (*Tert. Apol. 17.6*), то именно страдание тела, то есть пытка, выступало своего рода формой очищения перед вечным блаженством.

Кроме того, корпус африканских агиографических памятников имеет достаточно необычную структуру. «Акты мучеников Скилии» являются ранним свидетельством о христианах в Африке, затем «Мученичество Перпетуи и Фелицитаты» сообщает о гибели на арене амфитеатра группы верующих во главе с Вибией Перпетуей во время локального гонения Септимия Севера, и далее лишь после преследования Валериана появляются новые сочинения. Гонение Деция оказывается, таким образом, обойденным в силу того, что оно, вероятно, явилось, по мнению многих верующих, не моментом торжества Церкви, а темной страницей ее истории⁸. Причиной тому стали примеры многочисленных отступничеств, которых было, по всей видимости, так много, что решением этой проблемы была занята вся Церковь на Западе и на Востоке в первые годы после окончания гонения⁹. Таким образом, уклонение от мученичества, по сути, являлось первым шагом к отступничеству, которое означало гибель для христианина. Таким образом, Тертуллиан выступает не столько ригористом, сколько последовательным наставником, предлагающим определенный алгоритм спасения, уклонение от которого даже на ранних этапах чревато долгосрочными последствиями. Однако популярность мучеников и особенно исповедников была одновременно проблемой для Церкви. Исповедники в силу своего авторитета могли успешно конкурировать с епископами, выступая подчас их оппонентами. В частности, Киприан Карфагенский, запятнавший себя бегством во время гонения

⁸ Каргальцев (2016). С. 161.

⁹ Каргальцев (2015). С. 436.

Деция, вынужден был отбиваться от нападков со стороны ригористов в течение всего своего епископского служения.

Таким образом, перед автором «Мученичества» стояла непросто стоящая задача. С одной стороны, требовалось не отпугнуть верующего и укрепить его душевные силы перед страданием, с другой, нужно было указать и ограничения, которые делали мученичество доступным не для всех, а только избранных для этого Богом. Как представляется, разрешению данного противоречия и посвящены наши источники. В «Мученичестве Мариана и Иакова» епископы Агапий и Секундин по пути из своего изгнания к месту казни останавливаются в христианских общинах и увещевают верующих принять мученичество. Автор текста особо подчеркивает, что это не были случайные разговоры о преследованиях, но епископы «хотели воспитать (*fecissent*) других мучеников вдохновением веры своей» (Pass. Marian. 3.5). Очевидно, не всем верующим хватало решимости принять венец славы после этих увещеваний, поэтому Агапий и Секундин «подкрепляли веру братьев примерами мужества» и «вливали росу спасительного наставления» (Pass. Marian. 3.6). Проповедь епископов продолжалась несколько дней, пока, наконец, «спасительное наставление» не «воспламенило души» слушателей (Pass. Marian. 3.7). Известно также, что у Агапия были духовные дочери Антония и Тертулла, которых епископ также убедил принять мученичество (Pass. Marian. 11.1). Очевидно, девушки испытывали сомнения и страх, тогда Агапий сообщил им о виденном им во сне откровении, что их молитва о мученичестве услышана (Pass. Marian. 11.2). В данном случае мы имеем, действительно, редкий пример подобного наставления, когда Агапий и Секундин обращаются к единоверцам не на суде или перед казнью, а задолго до вынесения приговора. Можно с уверенностью полагать, что не только в маленьком городке Мугуас, где герои «Мученичества Мариана и Иакова» и встречают епископов, а на всем пути следования последних, они занимались такой проповедью. Этот сюжет поясняет, как представляется, обе задачи, которые решаются в «Мученичестве». С одной стороны, верующие, действительно, вдохновляются личным примером и проповедью выдающихся епископов, с другой, говорится и о божественной санкции, которую христиане получают во сне. В целом сны занимают значительное место в композиции памятников, и каждый герой накануне страдания получает свое откровение от Бога. Об-

ратный пример — всадник Эмилиан, который содержится в тюрьме вместе с Марианом, Иаковом и другими верующими. Автор «Мученичества» подчеркивает, что он является достойным христианином и наравне со всеми жаждет получить венец славы (Pass. Marian. 7.3). Однако в течение долгого времени, несмотря на строгий пост и неустанные молитвы, Эмилиан не получает нужного видения, которое позволило бы ему принять венец славы. Из текста не ясно, как именно всадник заканчивает свои дни, но его пример, как представляется, не менее важен, чем примеры более удачливых единоверцев. Эмилиан проявляет смирение перед Богом и не решается принять мученичество без божественной санкции, каковой является сон. Товарищ по заключению Монтана и других карфагенских клириков, Флавиан оказывается обойденным в пророческом сне и, действительно, на суде не получает желанного приговора и возвращается в тюрьму (Pass. Mont. et Luc. 12). В «Житии Киприана» говорится, однако, о возможности повлиять на божественный сон, а через него на свою судьбу. В своем видении епископ просит об отсрочке хотя бы в один день, дабы устроить свои дела и получает ее (Vit. Cypri. 12.6). Киприан будет казнен ровно через год после своего видения (Vit. Cypri. 13.3). Таким образом, видно, что агиографический текст предлагал не только формальный путь приобщения к числу христиан, но и обучал основному принципу христианской веры — взаимодействию с Богом и признанию его роли.

Пророческие сны не только санкционировали мученичество, но и сообщали о славной судьбе, которая ждала героев. Здесь можно согласиться с мнением А.Н. Крюковой, что основная идея сюжета в том, что речь идет не о земном, а небесном суде, итогом которого становится скорая встреча верующего с Богом¹⁰. Тертуллиан, анализируя видение Перпетуи накануне ее гибели, отмечает, что девушка не встречает в раю никого из спасшихся, кроме мучеников (*Tert. De anim.* 55.4). Они получают посмертное воздаяние без суда, точнее в данном случае земной суд соответствует суду божьему. Агиографические памятники передают эту идею через соответствующие образы. Киприан Карфагенский в своем видении был приведен в преторию к трибуналу проконсула (Vit. Cypri. 12.3). Мученик Мариан видит во сне белоснежный трибунал на вершине

¹⁰ Крюкова (2013). С. 460-461.

уходящей к небу лестницы, на котором восседает презид (Pass. Marian. 6.6). По лестнице в рай поднимается Перпетуя, побеждая по пути египтянина (Pass. Perp. 10). Героев видений встречает «юноша необычайного роста» (*iuuenis ultra modum hominis enormis*) (Vit. Cyr. 12, 3), «прекрасный юноша весьма значительного роста» в белоснежной одежде (*iuuenem inenarrabili et satis ampla magnitudine*) (Pass. Marian. 7.3), «юноша удивительного роста» (*iuuenis mirae magnitudinis*) (Pass. Mont. et Luc. 8.4). Трудно точно интерпретировать этот образ, в нем, возможно, угадывается сам Христос, а следовательно в снах и происходит уже высший суд.

Отдельную проблему представляли попытки обрести мученичество вне божественной санкции¹¹. На это указывает биограф Киприана дьякон Понтий — епископ потому сохранил жизнь во время гонения Деция, что не получил в то время божественной санкции. В другом тексте магистраты Цирты проводят группу верующих через массу народа на суд к президу, некий христианин из толпы обращает на себя внимание язычников громкими криками и исповеданием веры (Pass. Marian. 9). Он был немедленно схвачен, подвергнут короткому допросу и включен в группу ведомых на суд. Проявил ли этот герой веры недозволенное стремление к мученичеству? Автор не осуждает его; напротив, он превозносит смелость этого человека. Следует полагать, что само стремление к мученичеству не является предосудительным. Господь сам распоряжается, где, как и кому пострадать, но страсть к страданиям за Христа похвальна. Однако принятие мученичества в обход божественной воли лишает человека небесного наследия.

Подводя итог, можно заключить, что представленные агиографические тексты содержат очевидную педагогическую составляющую. Они научают христианина основам веры и поведения, а также отношениям с Богом. Не секрет, что высокая теология не была предметом искреннего интереса большинства верующих. Более важной является именно практическая сторона учения, как сохранить себя в качестве верующего в глазах Бога. В период гонений эта проблема усугублялась еще и необходимостью сделать моральный выбор между жизнью земной и жизнью вечной. Здесь

¹¹ О проблематике добровольного мученичества см.: Moss (2012). P. 531-551.

на помощь и приходили «Мученичества», которые укрепляли пошатнувшуюся веру и давали точные инструкции как именно следует поступать перед смертью. Тексты, несомненно, несут следы авторских переживаний, сомнений, страхов и других глубоких эмоций. Верующие, оказываясь в экстремальной ситуации, ведут себя совершенно естественно, однако общим для них является идея покорности божественной воле, которая и является основной педагогической идеей агиографии этого времени.

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Boyarin* (1995). — *Boyarin D.* Dying for God. Martyrdom and the Making of Christianity and Judaism. — Stanford, 1999. P. 95.
- de Ste Croix* (1963). — *de Ste Croix G.E.M.* Why Were the Early Christians Persecuted? // Past and Present. 1963. Vol. 26. P. 638.
- Droge, Tabor* (1992). — *Droge A.J., Tabor J.D.* A Noble Death: Suicide and Martyrdom among Christians and Jews in Antiquity. San Francisco, 1992.
- Kelley* (2006). — *Kelley N.* Philosophy as Training for Death. Reading the Ancient Christian Martyr Acts as Spiritual Exercises // Church History. 2006. Vol. 75. P. 723-747.
- van Henten, Avemarie* (2002). — Martyrdom and Noble Death: Selected Texts from Graeco Roman, Jewish, and Christian Antiquity / Ed. by J. W. van Henten, F. Avemarie. London; New York, 2002.
- Moss* (2012). — *Moss C.R.* The Discourse of Voluntary Martyrdom: Ancient and Modern // Church History. 2012. Vol. 81. N 3. P. 531-551.
- Potter* (1993). — *Potter D.* Martyrdom as Spectacle // Theater and Society in the Classical World / Ed. by R. Scodel. Ann Arbor, 1993. P. 53-88.
- Каргальцев* (2015). — *Каргальцев А.В.* Африканские соборы III в.: Епископы и исповедники // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. 2015. Вып. 15. С. 436.
- Каргальцев* (2012). — *Каргальцев А. В.* Гонения Валериана и мученичество Киприана Карфагенского // Вестник Санкт Петербургского Университета. Серия 2: История. 2012. № 4. С. 124-130.
- Каргальцев* (2016) — *Каргальцев А.В.* Гонения Деция и Церковь середины III в.: мученики и власти // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1. С. 161.

- Каргальцев* (2013). — *Каргальцев А.В.* Мученичество Мариана и Иакова: Вступительная статья, перевод и комментарий // *Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии.* 2013. Вып. 2. С. 223.
- Каргальцев* (2014). — *Каргальцев А.В.* Мученичество Монтана и Луция: Вступительная статья, перевод и комментарий // *Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии.* 2014. Вып. 3. С. 276-278.
- Крюкова* (2013). — *Крюкова А.Н.* Поэтика сновидений в Мученичестве Мариана и Иакова // *Индоевропейское языкознание и классическая филология XVII (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 24–26 июня 2013 г. / Под ред. Н.Н. Казанского.* СПб., 2013. С. 457-468.
- Пантелеев* (2017). — *Пантелеев А.Д.* «Для упражнения и подготовки тех, кто намеревается»: ранние агиографические тексты как наставления для христиан // *Диалог со временем.* 2017. № 58. С. 125-140.
- Пантелеев* (2015). — *Пантелеев А.Д.* Мученичество и распространение христианства в римской империи // *Вестник Санкт Петербургского университета. Серия 2: История.* 2015. № 3. С. 36.
- Пантелеев* (2016). — *Пантелеев А. Д.* «Искусство умирать» в античной и христианской традиции // *Универсум Платоновской мысли: Платон и современность.* СПб. 2016. С. 116-125.

Alexey V. KARGALTSEV

AFRICAN HAGIOGRAPHY OF THE 3RD CENTURY AS PEDAGOGICAL TEXT

Scholars absolutely agree that special veneration of martyrs in Roman North Africa, in the area of the former possessions of the Carthaginian Empire, was caused by a relatively different — regarding Hellenistic — cultural influence, centered on literal adherence to religious practice. This led to appearance in Africa of a large number of hagiographic monuments, especially during the period of major persecutions of Decius and Valerian. A distinctive feature of Valerian persecution is the restriction of persecution to Christian clergy, which prevented many believers from realizing the desire to become a martyr. In addition, the authority of confessors came into conflict with the authority of the bishops. In the hagiographic texts of this time one can observe limitations regarding the possibility of suffering for Christ and clear instructions about it.

These texts could be called pedagogical. In particular, the future martyr was to see a prophetic dream which was a divine sanction. The absence of such a dream made martyrdom essentially unlawful. In addition, Bishop Cyprian of Carthage, who became the first bishop martyrs in Africa, became the ideal martyr for fellow believers. During the period of the episcopacy, he was forced to leave the department during the period of the persecution of Decius, and this laid a heavy stain on his biography. The deacon Pontius, author of "The Life of Cyprian", especially emphasizes that Cyprian's martyrdom happened precisely at that day and hour that God had set for him. The author of the article believes that this example has become a role model for other hagiographic monuments created during this period and has become a pedagogical instruction for future martyrs. Moreover, the image of God manifested to Cyprian is also traced in martyrs of the near time.

REFERENCES

- Boyarin* (1995). — *Boyarin D.* Dying for God. Martyrdom and the Making of Christianity and Judaism. — Stanford, 1999. P. 95.
- de Ste Croix* (1963). — *de Ste Croix G.E.M.* Why Were the Early Christians Persecuted? // *Past and Present*. 1963. Vol. 26. P. 638.
- Droge, Tabor* (1992). — *Droge A. J., Tabor J.D.* A Noble Death: Suicide and Martyrdom among Christians and Jews in Antiquity. San Francisco, 1992.
- Kelley* (2006). — *Kelley N.* Philosophy as Training for Death. Reading the Ancient Christian Martyr Acts as Spiritual Exercises // *Church History*. 2006. Vol. 75. P. 723-747.
- van Henten, Avemarie* (2002). — *Martyrdom and Noble Death: Selected Texts from Graeco Roman, Jewish, and Christian Antiquity / Ed. by J. W. van Henten, F. Avemarie.* London; New York, 2002.
- Moss* (2012). — *Moss C.R.* The Discourse of Voluntary Martyrdom: Ancient and Modern // *Church History*. 2012. Vol. 81. N 3. P. 531-551.
- Potter* (1993). — *Potter D.* Martyrdom as Spectacle // *Theater and Society in the Classical World / Ed. by R. Scodel.* Ann Arbor, 1993. P. 53-88.
- Kargal'cev* (2015). — *Kargal'cev A.V.* Afrikanskije sobory III v.: Episkopy i ispovedniki // *Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira / Pod red. prof. E.H.D. Frolova.* 2015. Vyp. 15. S. 436.

- Kargal'cev* (2012). — *Kargal'cev A.V.* Goneniya Valeriana i muchenichestvo Kipriana Karfagenskogo // *Vestnik Sankt Peterburgskogo Universiteta. Seriya 2: Istoriya.* 2012. № 4. S. 124-130.
- Kargal'cev* (2016). — *Kargal'cev A.V.* Goneniya Deciya i Cerkov' serediny III v.: mucheniki i vlasti // *Problemy istorii, filologii, kul'tury.* 2016. № 1. S. 161.
- Kargal'cev* (2013). — *Kargal'cev A.V.* Muchenichestvo Mariana i Iakova: Vstupitel'naya stat'ya, perevod i kommentarij // *Religiya. Cerkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikacii po teologii i religii.* 2013. Vyp. 2. S. 223.
- Kargal'cev* (2014). — *Kargal'cev A.V.* Muchenichestvo Montana i Luciya: Vstupitel'naya stat'ya, perevod i kommentarij // *Religiya. Cerkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikacii po teologii i religii.* 2014. Vyp. 3. S. 276-278.
- Kryukova* (2013). — *Kryukova A.N.* Poetika snovidenij v Muchenichestve Mariana i Iakova // *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya XVII (chteniya pamyati I. M. Tronskogo). Materialy Mezhdunarodnoj konferencii, prohodivshej 24–26 iyunya 2013 g. / Pod red. N.N. Kazanskogo.* SPb. 2013. S. 457-468.
- Panteleev* (2017). — *Panteleev A.D.* «Dlya uprazhneniya i podgotovki tekh, kto namerevaetsya»: rannie agiograficheskie teksty kak nastavleniya dlya hristian // *Dialog so vremenem.* 2017. № 58. S. 125-140.
- Panteleev* (2015). — *Panteleev A.D.* Muchenichestvo i rasprostranenie hristianstva v rimskoj imperi // *Vestnik Sankt Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya.* 2015. № 3. S. 36.
- Panteleev* (2016). — *Panteleev A. D.* «Iskusstvo umirat'» v antichnoj i hristianskoj tradicii // *Universum Platonovskoj mysli: Platon i sovremennost'.* SPb., 2016. S. 116-125.